

УДК 821.134.2

М. де Унамуну

НЕОБЫЧНЫЙ РУСОФИЛ

Сведения о переводчике: *Всеволод Евгеньевич Багно* — член-корреспондент РАН, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

E-mail: vsbagno@gmail.com

Благодарности: Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90014 «Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность».

Ссылка для цитирования: Унамуну М. де. Необычный русофил / пер. с исп., примеч. В. Е. Багно // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4, № 2. С. 113–121.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-113-121

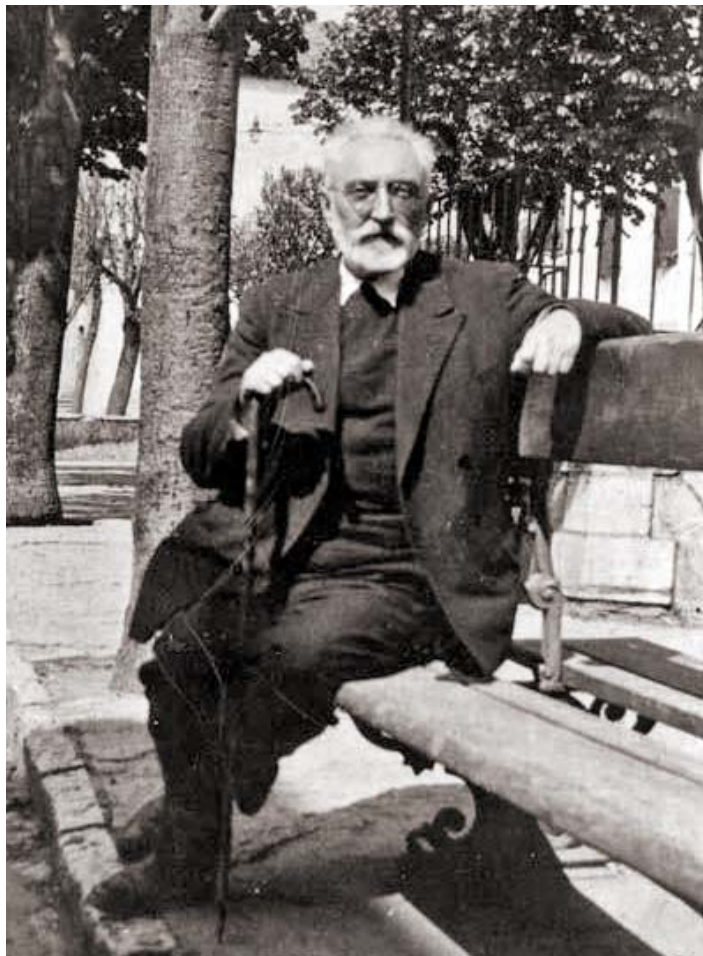
За столиком в кафе, расположенном в уютном и нешумном месте, каждый день собиралась компания приятелей, человек десять, чтобы обсудить новости. О чем же сегодня шла речь?.. О чем же, как не о войне.

Приятели были с давних пор, людьми простыми, чистосердечными и не заносчивыми. Каждый из них был убежден, что знает то, что знает, и не разбирается в том, чего не знает. Все готовы были признать, что их суждения основаны скорее на субъективных эмоциях, чем на дотошном и беспристрастном анализе действительности. Итак, при выражении симпатий в пользу Франции, Германии, Англии, Бельгии, России, Италии, или, наоборот, против любой из этих стран, или же против Австрии ни один из них не пытался выдать себя за знатока этих стран. Тем лучше: они были искренни.

Перевод осуществлен по изданию (Unamuno, 1966).

Читатель без труда может представить себе, чем именно каждый из них может пытаться убедить других, да и себя в том, что он хотел бы доказать. Его аргументы, даже если они у него имеются, ничем не отличаются от расхожих мнений журналистов и других компаний такого же рода.

Францию превозносит художник и, восхваляя ее, говорит то, что все мы слышали не раз. Ему вторит леворадикал, но вторит ему и ультракатолик, согласие между которыми подсказывает нам, что Франция неодолима. Во всем своем блеске перед нами, с одной стороны, Великая французская революция, а с другой — католическая Франция и “Action Française”¹. Нельзя не вспомнить

Мигель де Унамуно. Архивная фотография

благородство этой нации и хранимое в душах наполеоновское наследие. Кто-то, не забывая наших франкофилов конца XVIII — начала XIX века, отметит, что наполеоновское нашествие, хотя и столкнувшееся с законным инстинктом независимости, разрушило многие идеологические предубеждения и подготовило почву для либерализма на нашей родине. Что уж говорить о французском искусстве, французской литературе и о *Ville Lumière*².

Столь же нетрудно вообразить, что будет сказано против Франции и французов. Переходя к Германии, мы без труда угадаем, какие дифирамбы в защиту и во славу Германии будут произнесены неким врачом, получившим там образование. То, что у всех на устах, — наука, техника, порядок, дисциплина, патриотизм и неколебимая уверенность в победе. Его резонно спросили, а не

¹ “Action Française” — ультраправая политическая организация, возникшая во Франции в конце XIX века под руководством писателя Шарля Моррасса, организационно оформившаяся в 1905 году.

² *Ville Lumière* — одно из многочисленных прозвищ, которые на протяжении столетий получил Париж.

является ли эта уверенность на самом деле проявлением невежества, воспитанного милитаристской верхушкой?

Пожалуй, самый энтузиастический среди них — обожатель Англии. Он буквально истекает хвалой этому народу, прародителю свободы, которую Англия гарантирует всему миру. Он не перестает повторять, что англичане — *over-civilized*, гиперцивилизованны. Ему возражают, припоминая противоположного рода стереотипы о вероломном Альбионе. Он натурально возражает на возражения.

Есть среди них и итальянофил, пропагандирующий Макиавелли и утверждающий, что самый верный, при этом с наименьшими потерями, путь выбирает самый сметливый, а не самый отважный и не самый умный. Заодно он защищает то, что называет сознанием гражданского долга, как противоположность постыдному лицемерию. Он говорит о великом деле объединения Италии, о Кавуре³, равно как и об иных набивших оскомину примерах, и все во славу итальянского народа, наделенного столь живым умом, столь уверенного в своем великом предназначении.

Не обошлось без подвываний в связи с участием индустриальной Бельгии и, разумеется, прогнозов о скором ее взлете.

При всем при том один из завсегдатаев тертулии упорно молчал, пока наконец один из приятелей не обратился к нему:

— Ну а ты, молчун, вечно тоскующий и всем недовольный, что ты обо всем этом думаешь?

— Я не склонен говорить, — ответил тот, к кому обратились, — как всегда, я склонен слушать и молчать. Таков мой выбор.

— Пусть говорит, пусть говорит, — закричали все как один.

И тут произошло то, что произошло и с Педро Бурмудесом, героем «Поэмы о моем Сиде», которому сам Сид говорит: «Что же, Педро Немой, ты, муж, молчащий вечно?»⁴ — поскольку, если уж он начинал говорить, то речь его была дерзновенной и выразительной. Точно так же молчун нашей тертулии прервал молчание и заявил:

— Ну так вот, мои симпатии — на стороне России.

— России? — снова закричали все как один.

Это изумление было вполне оправданным. Ибо здесь в большом количестве собирались франкофилы, англофилы, германофилы, а еще больше —

³ Граф Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861) — итальянский государственный деятель, сыгравший исключительную роль в объединении Италии.

⁴ См. (Смирнов, ред., 1959: 117).

франкофобы, англофобы, германофобы, австрофобы, но чтобы русофил — пожалуй, только сейчас.

— Так вот, — сказал молчун, — мои симпатии на стороне России. Однако давайте разберемся: России, которую я создал в моем воображении и в моих помыслах, и мне неведомо, насколько походит она на Россию реальную. Поскольку я действительно не очень хорошо знаю Россию. Я знаю ее меньше, чем вы знаете Францию, Германию, Англию, Австрию или Бельгию. Но знать — мало! Я никогда не был ни в России, ни вблизи России, поскольку никогда не покидал пределов своей родины; не знаю русского языка, да и никакого другого, ему родственного; с русскими никогда не встречался, и даже ни с кем, кто бывал в России. Все, что я знаю о России, моей России, я вычитал из книг, таких как давнее сочинение одного англичанина, Маккензи Уоллеса⁵, некоторые случайные журнальные и газетные статьи, но главное — из произведений русских писателей, разумеется, переводных, которые попадали мне в руки. Мое представление о России, моей России, впитано мною из книг русских писателей, прежде всего Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького, но главное — Достоевского. Должен признаться, что именно Достоевский формирует мое видение России. Моя Россия — это Россия Достоевского, и если сегодняшняя реальная Россия не такова, то все мои умозаключения не будут иметь к действительности никакого отношения, однако они не будут лишены смысла. Я голосую за торжество духа, то есть за то представление и ощущение, которое от жизни и мира имел Достоевский.

— Какой ужас, — воскликнули в один голос самые рьяные сторонники Франции, Англии и Германии.

— Именно так! — не теряя спокойствия ответил необычный русофил. — Именно так. Какой ужас! Ибо ничем, по-видимому, кроме ужаса, не является то, в чем, как мне кажется, мы нуждаемся. Если хотите, называйте это нигилизмом⁶, это когда ничто нам представляется пусть горьким, но выходом. Мы слышим, что русские — не вполне европейцы, что они отчасти азиаты, в них много от татар. Если это так, то и нам стоит деевропеизироваться, тем более что параллельно европеизируются японцы, китайцы и индусы. Мы слышим, что русский народ — это народ забитых, затюканных, спившихся мужиков с неодолимой тягой к смерти. Мы слышим, что это народ нищих, побирушек и бродяг, а меня тошнит от богатых. Меня тошнит от чванства культуры и элегантности, удобства и благосостояния, чванства спорта и воспитанности, флегматиз-

⁵ См. (Wallace, 1877).

⁶ См. (Алексеев, 1928).

ма и социальных свобод, тошнит от чванства науки, дисциплины и порядка, и я жажду, чтобы наступило время чванства другого рода, смиренного чванства страдания, отчаяния и разочарования. Я нахожусь в ожидании царства Экклезиаста, лишь оно одно может покончить с войнами и ввергнуть нас во внутренние баталии, которые врачуют, а не разрушают. Нам пригодится кровь, чтобы оплакать нашу жизнь и опалить ее, очиститься, сохранив в сердце боль.

— Не забыл ли ты, — возразил ему один из завсегдатаев тертулии, — что самые душераздирающие страницы, пропитанные отчаянием, разочарованием, безнадежностью, принадлежат перу представителей тех народов, против которых ты выступаешь? Не были ли французами Паскаль и Сенанкур? Не был ли англичанином Джеймс Томсон, автор «Города страшной ночи»? Не был ли итальянцем Леопарди? Не были ли немцами Шопенгауэр и Гартман? Не был ли португальцем Антеро де Кинталь?

— Португальцем — да, — воскликнул русофил, — но европейцем, как я его понимаю, — нет. В нем даже Восток отразился. Не случайно португальцы, захватив часть Индии, в результате оказались отчасти пропитаны ею. Что же касается остальных, которых ты упомянул, и многих других, которых я мог бы сейчас вспомнить, — я хорошо их знаю! — они не походили на своих соотечественников и были исключением из правил. Пожалуй, этого нельзя сказать лишь о двух немцах, которых ты назвал: Шопенгауэре и Гартмане. Ибо их пессимизм — холодный, методичный, неискренний, формальный — суть не что иное, как интеллектуальная игра, обман. Пессимизм, убеленный сединами пруссака, никого не вводит в заблуждение, никого не может ввести в заблуждение: это лишь поза, которую приходится принимать перед Лейбницем и перед Гегелем. Если один говорит, что этот мир лучший из всех миров, другому приходится говорить, что он — из всех наихудший. Тем самым не важно, что говорится, ибо если этот мир — единственный из всех возможных, по крайней мере единственный нам известный, — зачем сообщать, лучший он из всех или худший. А вот забавный убеленный сединами пруссак, не удовлетворенный этими благоглупостями, попытался просчитать, по-немецки механистично и статистически, все зло, таящееся в мире, крепко при этом помня, что при подсчете явления и проявления зла должны превосходить явления и проявления добра.

Как если бы мы взвешивали картошку или считали солдат. Кичливость и лицемерие! Как если бы чистым лицемерием было то, что написал о космическом самоубийстве скрывающийся от чумы несчастный старик. Если бы бедный дьявол осознавал, насколько омерзительна жизнь, если бы ему было доступно то отвращение, которое с такой остротой переживали все остальные

из перечисленных тобой, он никогда не увлекся бы количественной сводкой страданий. Разговор не о том, дано ли нам понять, превосходит или уступает удовольствие волка, поедającego овцу, боль самой овцы в момент, когда ее пожирают; интерес представляет другой вопрос: как разогнать тоску волка (если ее можно разогнать), которому надоело пожирать овец, но который никакого другого смысла в жизни не видит. Разговор не о том, превосходит ли радость победы в борьбе за культуру, свою культуру, горечь поражения в борьбе за свою культуру или же уступает ей. Значение имеет другой вопрос: заслуживают ли эти культуры победы или поражения?

— Знаю, знаю, что вы мне скажете, — продолжал русофил. — Вы скажете, что именно сражаясь, действуя, живя, тоску и разгоняют, и тут же процитируете мне Кардуччи:

meglio oprando obliar, senza indagarlo
questo enorme mister del'universo!⁷

Лучше, создавая, забывать, не задумываясь, эту огромную тайну мироздания. Я знаю, что вы мне это скажете, но... что поделаешь! Мой подход таков — эмоциональный, абсолютно эмоциональный, именно его я и развиваю. А против эмоций доводы рассудка не подходят, да и вообще бессильны.

Меня тошнит от Европы, могу лишь это повторить, от того, что считается Европой, не географическую и не социальную данность я имею в виду, а бредни, навязчивые идеи, с жизнью связанные, стремление стать богатыми, воспитанными, образованными.

— Не хочешь ли ты, чтобы весь мир превратился в Картуху⁸? — спросил его один из присутствующих.

— Я и сам толком не знаю, чего я хочу, — ответил наш необычный русофил, — да и вообще не уверен в том, что чего-то хочу. Зато я точно знаю, чего не хочу, поскольку куда более, чем «желание», мне привычнее «безлание»⁹, мне сподручнее не столько утверждать и утверждаться, сколько отторгаться и отторгаться. Повторяю, я не знаю, чего хочу, и хочу ли чего бы то ни было, но

⁷ «Уж лучше, дело делая, забыть, чем силиться проникнуть в тайну мироздания!» (*Carducci D. Rime nuove, V, Idillio maremmano*). — Пер. с ит. В. И. Гараджи.

⁸ Картуха — картезианский монастырь. Оппонент русофила предостерегает его, напоминая о жизненном укладе картезианского ордена, одном из самых суровых в Римско-католической церкви, и об основах картезианской духовности, которые составляют полный уход от мира, суровый аскетизм и постоянное молитвенное служение в великом, почти полном безмолвии.

⁹ В оригинале — неологизм “*noluntad*”, понятие, противопоставленное “*voluntad*”.

нынешняя война с ее шлейфом одичалости и всполохами зверства взбаламутила заводь моей души и подняла на поверхность таившиеся там грязноватые осадки. Только сейчас мне стала доступна вся глубина пессимизма, разумеется, не прусского, ветхого и четырехугольного, а ужасающей истины: «Суета сует, — сказал Экклезиаст, — суета сует, — все суета».

Все, что я, не прерывая молчания, слышал в течение последних дней, щупанные-перещупанные ласкающие слух благоглупости, за и против, о самых великих и цивилизованных народах Европы, с которыми вы по очереди выступали, вызывали у меня улыбку, и, коль скоро мне не хотелось больше сдерживаться, я высказался в пользу России, России Достоевского, «Записок из подполья», «Идиота», «Преступления и наказания», возможно, и не являющейся сегодняшней Россией, которая, похоже, побеждает, Россией «Думы», но меня это не волнует. Мне говорят, что Россия меняется, что в Германии полно русских студентов, которые насыщаются немецкой премудростью; что древняя святая православная Россия, которая кишела чудными мистическими сектами, меняется, как, по слухам, меняется Япония и меняется достойная уважения британская, она же буддийская, Индия. Право, не знаю. Не знаю, не придется ли мне переносить мои мечты куда подальше — на Тибет, в святой город Лхаса, поближе к далай-ламе, — спору нет, об этом я знаю еще меньше, чем о России, хотя и о России знаю не много, глядишь, придется вздохнуть о некоем совсем фантастическом средневековье. До тех пор, пока Картуха во мне, какое мне дело до мира, да и каков он, мне безразлично.

Он замолчал, и тогда еще один из присутствующих, до сих пор молчавший, сказал:

— Я попробую возразить нашему странному, вполне искреннему русофилу. Я не буду вещать ему с позиций французских, английских, немецких или итальянских сторонников, нет, я попытаюсь возразить ему, опираясь на испанскую точку зрения. Все мы признались в том, что плохо знаем великие народы, схлестнувшиеся в этой войне, за что бы они ни сражались, и наш друг, необычный русофил, признался, что Россию он знает еще меньше, чем мы знаем другие страны. Если хотите, считайте, что скромности мне не занимать, но я полагаю, что уж свою родину Испанию я все-таки знаю, и поэтому не столько с точки испанского зрения, сколько с точки испанского ощущения я нашему нигилисту отвечу.

Однако то, что этот испанствующий¹⁰ испанец сказал, заслуживает отдельного, детального рассмотрения.

¹⁰ В оригинале — неологизм “españolizante”.

Литература

Алексеев, 1928 — Алексеев М. П. К истории слова «нигилизм» // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню его 70-летия Академией наук по почину его учеников под ред. В. Н. Перетца. Л.: Академия наук, 1928. С. 413–417.

Смирнов, ред., 1959 — Песнь о Сиде. Староиспанский героический эпос / пер. текстов Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева. Отв. ред. А. А. Смирнов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 255 с. (Литературные памятники).

Unamuno, 1966 — *Unamuno M. de. Un extraño rusófilo* // *Unamuno M. de. Obras completas en 9 tomos*. Madrid: Escelicer, 1966. T. IX: Discursos y artículos. P. 1246–1251.

Wallace, 1877 — *Wallace D. M. Russia*. 2 vols. 3rd edn. L.: Cassell Petter & Galpin, 1877.

© Багно В. Е.,
пер. с исп. и примеч., 2021

AN UNUSUAL RUSSOPHILE

Translator: *Vsevolod E. Bagno* — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Academic Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Philology, St. Petersburg State University.

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences.
Address: 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: vsbagno@gmail.com

Acknowledgements: The publication was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No 18-012-90014 “Problems of reception of Dostoevsky’s personality and creativity in World Culture: history and modernity”.

For citation: Unamuno, M. de, 2021. ‘An Unusual Russophile’, translated from the Spanish, notes by V.E. Bagno, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 113–121. (In Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-113-121

References

Alekseev, M.P., 1928. 'K istorii slova 'nigilizm'' ['On the History of the Word 'Nihilism'], in Peretts, V.N. (ed.) *Sbornik statei v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo, izdannyyi ko dnyu ego 70-letiya Akademiiyeyu nauk po pochinu ego uchenikov pod red. V.N. Perettsa* [Collection of articles in honor of Academician Alexey Ivanovich Sobolevsky, published on the day of his 70th birthday by the Academy of Sciences on the initiative of his students, edited by V.N. Peretz]. Leningrad: The Academy of Sciences Publ., pp. 413–417.

Smirnov, A.A. (ed.), 1959. *Pesn' o Side. Staroispanskii geroicheskiy epos* [The Song about Cid. Old Spanish Heroic Epic]. Translated by B.I. Yarkho and Yu.B. Korneev. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ.

Unamuno, M. de, 1966. 'Un extraño rusófilo' ['An Unusual Russophile'], in Unamuno, M. de., *Obras completas en 9 tomos. T. IX: Discursos y artículos* [Complete Works in 9 vols. Vol. IX: Speeches and articles]. Madrid: Escelicer Publ., pp. 1246–1251.

Wallace, D.M., 1877. *Russia*. 2 vols. 3rd edn. London: Cassell Petter & Galpin.